

Оливин Бонер

Через бури жизни

Яков Шаленко

Кровь, пролитая не напрасно

[Как проник свет Евангелия
в страшную тьму племени аука]

УДК 274/278
ББК 86. 376
Б81

Б81 Бонер О.
 Через бури жизни: Повесть: Пер. с англ. / О. Бонер
Кровь, пролитая не напрасно (как проник свет Евангелия в страш-
ную тьму племени аука): Повесть: Пер. с англ./ Я. Шаленко. — За-
окский: «Источник жизни», 2013 — 288 с.

ISBN 978-5-86847-849-9

В книгу вошли две повести. В первой из них — «Через бури жизни» — рассказы-вается о жизни и наполненном опасными приключениями труде книгоноши, ставшего ревностным проповедником обретенной веры в Спасителя. Во второй — «Кровь, пролитая не напрасно» — описаны подлинные события из жизни жестокого племени аука, живущего в джунглях Южной Америки, которое из страшной тьмы греха обратилось в христианство.

Рекомендуется широкому кругу читателей.

Издательство «Источник жизни», 2013

*Вы не можете сохранить данную вам земную жизнь
навсегда, так почему же не вручить ее Господу..."*

Оливин Бонер

Через бури жизни

Когда Джек Захори из канадской провинции Манитоба принял Христа как своего Спасителя, он стал ревностным проповедником обретенной веры. Его жизнь, наполненная опасными приключениями и тяжелым, бескорыстным трудом во имя Иисуса Христа, была посвящена одной цели — возвестить всем, особенно родному украинскому народу, о Спасителе, Которого он принял.

Ни лед, ни снег, ни штормовые бури, ни опасности и преследования, ни гневные обвинения: «Еретик!», ни даже угроза смерти — ничто не могло остановить его.

«Через бури жизни» — это название вполне соответствует книге, посвященной опасным, но боговдохновляемым подвигам бесстрашного свидетеля Христова.

Предисловие к русскому переводу

Эту книгу о жизни христианина по праву можно назвать «Подвиг христианина». Каждый, кто искренно и чистосердечно под влиянием Святого Духа прочитает ее получит великие духовные благословения. Ибо изложенное в этой книге — это путь поиска истины, сопровождаемого глубокой внутренней борьбой, стремлением быть в тесном общении со Христом и Богом и убежденностью в рождении свыше.

Другое важное достоинство книги заключается в том, что почти на каждой странице отмечается важность Священного Писания в вопросе определения истины и пути спасения. В нем — фундамент нашего спасения. Все вопросы, касающиеся Бога и Христа, нашего отношения к заповедям и истинному дню покоя, равно как и вопрос об истинной Церкви, мы должны, подобно Джеку Захори, решать только на основании Слова Божьего.

Издатели книги искренне желают, чтобы христианский подвиг украинского книгоноши-миссионера стал примером для всех верующих, чтобы весть Евангелия достигла каждого человека в этом мире и Христос пришел во славе.

ГЛАВА 1. ПЕРВЫЙ СЛАБЫЙ КРИК

Иаков Захори очень хорошо запомнил эту зиму. И эти первые его воспоминания связаны со временем, когда было ему всего три года. Сначала он еще сквозь сон услышал странный звук в соломенной крыше, выше глиняной печи, а пробудившись, увидел яркое пламя вокруг трубы. Кто-то кричал: «Горим!». Иаков выбрался из колыбели, где он спал, и стал искать свои ботинки под кроватью и под столом, но не нашел и тихо влез снова в колыбель. Мимо пробежала мать, громко восклицая, что она должна еще отвязать и вывести корову. Когда же она вернулась, пламя бушевало уже по всему потолку. Иаков хорошо помнил, как она выхватила его из ивовой колыбели, завернула в одеяло и, вынеся из дома, положила на снег.

Сильный холод заставил его кричать. Но скоро, уже замерзая, он перестал кричать, хотя еще слышал возбужденные голоса своего отца, старших братьев — Чарли, Джона, Алекса — и соседа Майка Билюка. Вынося из горящего дома мебель, они громко разговаривали друг с другом. Иаков как зачарованный наблюдал, как быстро они сновали в хижину и обратно.

Но холод пронизывал его все сильнее, и вскоре люди, голоса и картина охваченного пламенем дома стали расплываться и превратились наконец в неясные очертания. Вдруг откуда-то издалека он услышал голос матери: «О, мое дитя! Мое дитя уже мертвое! Смотрите — лицо покрылось морозом!».

Иаков почувствовал себя в теплых, сильных руках. Но он ничего уже не слышал и не осознавал происходящего, пока его не начали растирать холодной водой со снегом. Однако он все время задыхался, и тогда его сунули в кадку с водой и снегом. И только после этого он снова услышал голос матери, и эти слова звучали в его сознании на протяжении всех последующих лет:

«С мальчиком ничего не случится, ибо он посвящен для святой миссии».

Позже, вытертый насухо и тепло укутанный в одеяло, Иаков лежал на кровати в доме соседа и наблюдал за матерью, которая присматривала за ним и тремя старшими братьями. Он заметил слезы, стекавшие с лица матери и капавшие на нежные лица детей.

Они были еще слишком малы и не могли знать всех трудностей, постигших семью здесь, в их новом доме в канадской провинции Манитоба. Именно сюда Захори, вместе с другими семьями, прибыли с Украины в начале XX столетия. Они пришли сюда из Виннипега, конечной станции железной дороги, расположенной в 75 километрах от их нового места жительства. Гнат и Василина Захори рука об руку трудились на постройке дома. Они покрыли его соломой. Сложили печь, чтобы отапливать жилье и готовить пищу. Василина заготавливала ивовые прутья — из них получились прекрасные кровати для всей семьи.

На следующее лето они построили сарай, чтобы держать корову, и погреб — для хранения овощей, столь обильно созревших в том году на богатой почве.

А когда созрели зерновые, они сжали их, связали в снопы и заскирдовали, пока не будет построен молотильный ток. Для этой цели Гнат тщательно очищал и выравнивал землю, затем со всех сторон будущего тока сделал бортики, чтобы можно было залить его водой, когда наступят первые морозы. И уже зимой вместе с женой и сыновьями он ведрами носил воду и поливал ток, замораживая его. Они снова и снова поливали ток, пока лед не стал плотным и ровным. И вот уже все снопы переправлены сюда, вымолочены, а зерно провеяно на ветру. А из оставшейся соломы мать снова связала снопы — будет скоро и новая соломенная кровля! Провеяв, Гнат ссыпал зерно в мешки и направился на мельницу, чтобы смолоть. Все шло своим чередом, ладно да складно. Все, казалось, благоприятствовало трудолюбивому семейству...

Как раз перед пожаром Василина испекла первый хлеб из смолотого зерна своего первого урожая.

Иаков, совсем еще дитя, не сознавал всей трагичности положения, но, лежа на кровати в доме соседа и наблюдая за своей матерью, он слышал ее глубокие вздохи и видел слезы, катившиеся по ее лицу.

— Мама, почему ты плачешь? — спросил малыш.

Василина вытерла слезы и слегка улыбнулась, укутывая Иакова в одеяло.

— Я все думаю, сынок. Ты помнишь свежее испеченный румяный хлеб, вынутый из печи? — она на миг замолчала. — Но теперь дом и вообще все пошло прахом, — добавила она, вытирая слезы концом детского одеяла.

Отец Иакова, вносивший с соседом в уже переполненный дом остатки мебели, подошел к матери.

— Не плачь, Василина, — сказал он, поглаживая ее по плечу. — Весной я построю тебе новый дом. Гораздо лучше сгоревшего, с крышей, покрытой дранкой.

— Да, я знаю, — ответила Василина, с любовью глядя на своего мужа. — Как хорошо, что пожар случился днем и в такую холодную погоду. Как хорошо, что все остались целы и невредимы. — Затем, взглянув на Иакова, она добавила: — Надеюсь, мальчик не сильно обморозился, отойдет.

— Он поправится. Увидишь! Разве мы не посвятили его на святое служение?

И отец, надев шапку, вышел, оставив мать с госпожой Билюк, детьми и всем скарбом, сваленным в маленьком доме соседа.

Иакову захотелось встать с кровати.

— Нельзя вылезать из постели, — строго предупредила мать.

И на протяжении нескольких месяцев Иаков и маленькие дети Билюка только и слышали: «Нельзя вылезать из постели», или: «Нельзя слезать на пол», или: «Холодно. Играйте на кровати. Мы не можем быть с вами, мы готовим обед. Мы не хотим, чтобы вы путались у нас под ногами».

Иаков становился все более нервным, раздражительным. Его лицо, руки и ноги стали пятнистыми, покрылись гноящимися ранами и нестерпимо чесались, по мере того как в обморо-

женных местах шелушилась кожа. Ему казалось, что зима никогда не кончится!

А когда зима все же подошла к концу, вернулся отец Захори и сообщил, что он взял в аренду палатку. Надо было лишь поставить несколько столбов, натянуть ее, склотить грубый пол — и они могли бы временно пожить в ней, пока не будет готов новый дом. Так сказал он матери и Иакову.

— Когда же он будет готов? — пожелал узнать Иаков.

— Когда весеннее солнце и теплые ветры осушат землю, тогда мы и начнем строить, — сказал отец. — Тем временем я буду перевозить доски и дранку, чтобы все было готово.

Скоро Иаков мог наблюдать, как отец разгружал строительный лес и аккуратно его складывал. Затем пришли соседи, чтобы помочь в строительстве нового дома для семьи Захори.

А еще через две недели Иаков рассматривал прекрасный двухэтажный дом, готовый для жительства.

— Какой прекрасный дом! — восклицал он, бегая из одной комнаты в другую, приседая и вставая.

— Очень хороший дом, — согласилась Василина. — Большой и светлый, с большими окнами. Как хорошо, что старый дом сгорел.

— Да, — согласился Гнат, — мы имеем много благословений. Здесь рядом лесопилка, а теперь в четырех километрах от нашего дома открывается новый магазин, где мы сможем покупать все необходимое, так что не будет нужды ехать далеко, в Виннипег. Я куплю двух молодых волов, чтобы перевозить продукты и бревна. Да и дороги здесь лучше. И железную дорогу уже скоро подведут ближе к Виннипегу. В один прекрасный день она протянется с востока на запад через всю эту великую страну. Она будет проходить всего в девяти километрах от нашего дома! Можно считать, мы будем почти рядом с Виннипегом. — Гнат улыбнулся при последних словах: — В этом году мы вместе с Чарли поработаем на лесопилке. Алекс и Джон будут помогать в домашней работе — в огороде и саду, и даже маленький Иаков

станет достаточно взрослым, чтобы помогать. И отец нежно погладил Иакова по голове.

— Но я хочу бегать и играть, — пролепетал Иаков, поглядывая на отца. — Я хочу смотреть на птиц и белочек. — Затем помолчал, нахмурил брови и продолжил: — Папа, почему я не могу взбираться на деревья и перепрыгивать с ветки на ветку, как белочки?

— Да это невозможно! — ответил отец строгим категоричным голосом. — Вне всякого сомнения! Белочка есть белочка, а мальчик есть мальчик.

Иаков отошел, удивленный словами отца. «Но почему я не могу быть подобным белочке?» — спросил он сам себя.

Затем побежал на пастбище и лег под ветвистым деревом. Он видел, как порхали по веткам птицы, а потом выследил и белку. Иаков наблюдал, как легко она перескакивала с ветки на ветку большого дерева; вдруг меткий прыжок — и белка уже сидит на ветвях соседнего молодого гибкого деревца.

«Думаю, что я смогу так же перепрыгивать», — громко сказал сам себе Иаков.

И вот однажды он решил последовать за белкой. Она быстро перепрыгивала с одной ветки на другую. Иаков спешил за ней. Белка прыгала все быстрее, ветки становились все тоньше. Иаков лез за ней все выше и выше. Ветки начали прогибаться под тяжестью его тела, но Иаков смотрел только на белочку... Внезапно он услышал треск и почувствовал, что падает. Ударившись о землю, он успел только понять, что сильно ушибся — все окружающее померкло в глазах и окуталось густой черной пеленой.

И вдруг перед его глазами закружились яркие всполохи света. «Как будто летняя зарница», — подумал он. Собравшись с силами, он сел, и тогда перед его глазами вместо светящихся кругов предстали его руки. «Что случилось?» — удивлялся он, отряхивая листья и траву со своей рубашки. Не был ли он мертвым некоторое время? Что означают эти вспышки света перед его гла-

зами? И почему еще раньше все помутнело в глазах? Не подобно ли это смерти?

Несколько раз после этого случая, устремляясь за белочкой, Иаков снова и снова падал. Иногда при падении все становилось темным и снова вспыхивали светлые круги, танцующие перед его глазами. Это был странный и удивительный опыт.

— Что происходит с людьми, когда они умирают? — спросил он однажды у матери после очередного падения.

Мать оставила свою работу и с интересом посмотрела на него.

— Где ты набрался таких глупых вопросов? Ты еще очень маленький мальчик. Не надо тебе думать о том, как люди умирают. Иди и играй, сынок.

Иаков отошел недовольный, с нахмуренным лицом. Ведь он хотел получить ответ на вопрос, который не давал ему покоя уже несколько дней: «Что происходит с людьми, когда они умирают?». Наконец он снова направился к матери.

— Об этом нельзя размышлять детям, — сказала она, отчитывая его снова. — Беги на улицу и играй!

Но любопытство мальчика все росло. На следующий день он снова обратился к матери, когда она сидела на пороге и чинила одежду:

— Мама, а все-таки, что случается с людьми после смерти?

Мать отложила свою работу и, взглянув с улыбкой на Иакова, ласково сказала:

— Конечно, добрые люди идут прямо на небо, чтобы жить с Богом и с ангелами!

— Ну, а если они плохие? — спросил Иаков.

— Тогда они идут в ад, — ответила мать.

— А что такое ад? — настойчиво продолжал спрашивать Иаков.

Здесь мать немного задержалась с ответом:

— Ад — это место, где горит страшный огонь. Демоны постоянно поддерживают его. Они подбрасывают в огонь серу и смолу, так что он никогда не затухает. Это ужасное место, мой мальчик.

— Так почему же плохие люди не убегают оттуда?

— О, там некуда бежать! Кругом слишком жарко. Плохие люди горят там вечно.

Иаков поудобнее уселся на ее руках и продолжал спрашивать:

— А когда люди идут в ад или на небо?

— Сразу после смерти, — быстро ответила мать.

— Но что происходит, когда они умирают? Чему подобна смерть? — он посмотрел прямо в глаза матери.

— Это подобно сну. Все вокруг делается темным.

— О, я это знаю! Я умирал уже много раз, — пылко произнес Иаков, — но я не направлялся ни в какое место. Все сначала было темным, как ты говоришь, затем я видел вспышки света. А после, после я пробуждался...

Мать прижала Иакова к себе и внимательно посмотрела на него:

— Как все это могло случиться?

— О, когда я лазил по деревьям! Пойдем, я покажу тебе.

Иаков взял ее за руку и привел к дереву, вокруг которого она увидела сломанные ветви и даже отпечаток его тела на траве после последнего падения.

Не говоря ни слова, она взяла Иакова за руку и повела домой. Посадив его на стул и глядя ему в лицо, она сказала:

— Иаков, ты играл в очень опасную игру, — медленно говоря, она качала головой. — Я удивляюсь, как ты не поломал себе руки и ноги. По твоим словам, ты даже умирал. Конечно, ты не умер, ибо ты пробуждался снова. Если бы ты умер, ты не пробудился бы, ты никогда не возвратился бы домой. Но если ты будешь продолжать падать, однажды ты действительно умрешь. Тогда ты никогда уже не вырастешь, никогда не станешь большим мальчиком, мужчиной.

Мать замолчала.

Иаков увидел слезы на ее глазах.

— Пообещай мне, Иаков, что ты никогда больше не будешь взбираться на деревья, чтобы падать с них.

Иаков пообещал. Но вопрос о смерти интересовал его теперь более, чем что-либо другое. Если добрые люди направляются на небо, почему плохие должны оставаться в аду? И чему подобен этот ад?

В тот же вечер он услышал, как его родители рассуждали о нем и его вопросах о жизни и смерти.

— Если бы здесь была церковь и священник... — услышал он слова матери, сказанные с тревогой и тоской.

— Скоро, Василина, — проговорил отец, — мы построим для нашей общины прекрасную греко-католическую церковь... Вскоре наступила тишина, все уснуло.

Насколько Иаков мог помнить, он никогда еще не посещал церковь. Конечно, в доме был образ Марии с младенцем Христом. А среди картин, развешанных на стенах, была «Святая Мать с молодым Спасителем», где Он был изображен с печальными глазами и венцом из терний. Иакова учили, что Спаситель пострадал за Свой народ, но он так и не понял до сих пор, как и почему это случилось.

И вот наконец, когда ему исполнилось восемь лет, в их местности было закончено строительство церкви. Иаков пошел с отцом на первое богослужение. Стоя у дверей, он внимательно рассматривал сияющие кресты и свечи. В церкви служил священник в ярких блестящих одеждах. Отец направился в проход между рядами — прямо к священнику, а Иаков следовал за ним, едва переводя дыхание. Отец склонился перед алтарем, то же сделал и Иаков.

Священник накрыл голову Иакова покрывалом.

— Ты теперь должен рассказать мне обо всех своих грехах, — сказал священник, кладя свою руку на плечи мальчика.

— Что такое грех? — спросил Иаков.

— Все плохое, что ты делал. Ты говорил ложь?

Иаков на миг задумался.

— Я... я не помню такого.

— Не украл ли ты что-нибудь? — продолжал священник.

— Нет. Я не крал, — ответил твердо Иаков.

— Не воровал ли ты печенье у своей матери?

— Нет, я не крал, — ответил он снова, — в нашем доме никто не крадет.

Священник снял покрывало с головы Иакова:

— Можешь идти, сын мой.

Иаковом овладело странное чувство недовольства. Но следующие ритуалы и пиршества изгладили это впечатление. Служение в церкви давало людям возможность общаться друг с другом, здесь они могли показать свои наряды и богатство, обмениваться слухами и новостями, а также вместе пообедать.

Иакову особенно нравились обеды в праздничные дни. Женщины приносили пироги, вкусно приготовленный картофель с домашним сыром или мясом, приправленным луком или сметаной. Кроме того, всегда был борщ или суп, приготовленный из тертой свеклы, картофеля, лука, моркови и других овощей. И, конечно, ни один греко-католический праздник не обходился без особого вкусного хлеба, своего рода пирожного. Подавали также полные кошельки сухих фруктов, обсыпанных маком. Иакову всегда очень хотелось узнать вкус всех этих блюд, а особенно — приготовленных его матерью. Ведь ее вино, например, из дикой земляники и малины было предметом разговора всего общества! Да, хорошо иметь церковь, которая стала средоточием общественной и религиозной жизни. Но главные желания Иакова заключались в другом — он хотел больше знать о том, что слышал от священника, и хотел получить ответы на все свои вопросы.

Он надеялся, что скоро обязательно поговорит со священником и тогда услышит объяснение всего, что так поражало и удивляло его. Но мать все время удерживала Иакова, говоря, что он слишком молод, чтобы рассуждать о столь серьезных вещах.

— Иди ешь хорошую пищу и наслаждайся хорошим обществом. Когда подрастешь, тогда и сможешь все понять, — говорила она.

Однажды отец Иакова принес известие, что в соседнем селе-нии, более чем в четырех километрах от их поселка, открывает-ся школа. Алекс и Иаков смогут теперь ходить в школу, а Джон и Чарли, старшие братья, работали уже на лесопилке, и им было не до школы.

В первый школьный день Иаков встал на рассвете. Он хотел прийти в школу первым. Возможно, в школе он получит наконец ответы на тревожившие его вопросы... И он должен выучить ан-глийский язык! Тогда можно будет разговаривать с той женщи-ной, которая работает на мельнице и всегда угощает его хлебом и патоккой. Она говорит с ним по-английски, улыбается, а Иаков не понимает ни единого слова! Он быстро оделся и ждал, когда соберется Алекс.

— Мальчики! — голос отца остановил их, когда они уже вы-ходили из дома. — Школа — это такое место, где дети должны хорошо себя вести и быть послушными. Посему делайте все, что скажет вам учительница. Когда вы придете в школу, садитесь на указанное ею место. Только ее вы должны слушаться.

Затем, обращаясь к Иакову, он прибавил:

— Ты идешь не за белками гоняться, а изучать английский. Помни это! И еще одно, Иаков: твое имя по-английски — Джек.

«Неужели даже имя мое должно измениться?!» — не особен-но, впрочем, удивляясь, подумал Иаков.

Мальчики послушно кивнули головами, но Иакову стало не-много грустно. Школа уже не была для него столь прекрасной. Он шел нахмуренный и серьезный.

Но когда пришел наконец в школу, состоящую всего из од-ной комнаты, и увидел учительницу, Еву Браун, его настроение сразу изменилось. Она была самой хорошей женщиной из всех, кого ему до сих пор приходилось встречать. Ради такой стоило стараться быть хорошим! Она говорила, и голос ее был таким же милым и приятным, как у тех людей, которые хвалили луч-шие кушанья и вино его матери.

— Доброе утро, мальчики и девочки! — сказала учительница по-английски, посмотрев, казалось, прямо на Иакова.

Иаков не понял ни одного ее слова, но решив, однако, что он должен что-то сказать, вскочил и громко воскликнул:

— Джек Захори!

Дети засмеялись, а учительница положила руку на его плечо и ласково улыбнулась ему. И в тот момент Джек Захори уверенно мог сказать, что школа — это самое лучшее место на земле, но, конечно, после церкви и родного дома.

С этого дня он стал Джеком — так называли его учителя, товарищи, братья и сестра Мария. Лишь родители иногда по-прежнему звали его Иаковом.

Но, к сожалению, в конце первого учебного года госпожа Браун перестала преподавать. Никто больше не занял ее место в сердце Джека, и с самого начала второго года обучения он стал терять интерес к учебе. Да и другие дети стали своенравными, непослушными, дисциплина упала — новую учительницу не слушались. Когда же старшие ребята проявляли свой буйный и мятежный характер, она и вовсе садилась и плакала. Поэтому еще до окончания учебного года она возвратилась в Виннипег, а в школу пришел новый, весьма темпераментный учитель Скотт — темная личность с темными усами.

Он мало улыбался и еще меньше говорил. В то первое утро Джек сел позади всех, чтобы наблюдать, что произойдет, когда дети начнут шептаться, кашлять и плевать. Но учитель, казалось, ничего не замечал и не сделал ни одного замечания за все утро. Но когда он после обеда, проведенного на мельнице, возвратился в школу, Джек заметил в его руках связку розог.

Скотт пригласил детей в класс и объяснил, что школа, по его мнению, — это место для учебы, никаких других занятий здесь быть не может. Джек понял это сразу. Он также понял, наблюдая за теми, кто не обратил внимания на слова учителя, что эти розги были приготовлены для них. И действительно, вечером вся связка розог была полностью использована. На следующее утро учитель принес другую связку розог... Вскоре школа стала

самой образцовой среди всех других школ местного отдела образования. В этом году Джек стал действительно получать образование. Он научился читать и писать по-английски.

А четвертый учитель в фoleyской школе был украинец. Большинство своих предметов он преподавал на украинском языке, а Джек более всего желал изучать английский. И он опять потерял интерес к учебе.

— Если у нас и дальше будет этот учитель, — сказал он однажды матери, — я оставлю школу. Я постараюсь уйти.

— Нет, Иаков, — ответила мать, — я надеюсь, что ты шутишь. Ты должен слушать учителя.

Но в одно холодное декабрьское утро, когда он, Алекс и младшая сестра Мария собирались в школу, Джек спрятал свои книги на чердаке и с пустым портфелем спустился вниз. Затем тайком отрезал несколько кусков хлеба и мяса и вместе со своим обычным школьным обедом положил в портфель.

— Вы с Марией идите вперед, — сказал он Алексу, когда они вышли из дома.

Подождав, пока Алекс и Мария дойдут до перекрестка, Джек тоже двинулся в путь. Но пошел он не в сторону школы, а по главной дороге и, быстро преодолев расстояние в четыре километра, приближался к магазину Драгона. Хозяин стоял на пороге и приветствовал его.

— Джек, почему ты не в школе?

— Мне нужны сапоги, — ответил мальчик. — Мне очень холодно ходить в такую погоду в мокасинах.

И зашел в магазин, где владелец его подобрал ему соответствующую обувь, записав ее стоимость на семейный счет Захори. Джек попрощался и направился дальше — по направлению к Виннипегу.

Холод пронизывал все его тело. Натянув свой головной убор как можно ниже, он махал руками, подпрыгивал, почти бежал, чтобы хотя бы немного согреться. Время от времени он растирал открытые части лица, чтобы не обморозить их.

Проголодавшись, он остановился, чтобы немного поесть, но вся еда его замерзла. Ему пришлось своим дыханием отогреть хлеб, чтобы хоть немного смягчить его. После более чем скромного обеда уже под вечер он достиг селения «Приятный дом». До Виннипега оставалось шестьдесят километров.

Джек еле передвигал ноги от усталости, но упорно продолжал свой путь. Как раз перед заходом солнца он приблизился к селению, расположенному в гористой местности. Лучи солнца еще отражались в окнах домов, на фоне закатного неба белыми змейками поднимался из печных труб дым, и Джек стал думать о своем доме, о матери, приготовляющей сейчас стол к ужину, о теплой, уютной кухне. А он так далеко от дома, промерзший, уставший и голодный! Не вернуться ли ему назад? На минуту остановившись в раздумье, он стал грызть насквозь промерзший хлеб.

Нет, он найдет свой путь в этом мире! Он будет идти дальше! И хотя холод усиливался и уже начинало темнеть, Джек без колебаний прошел мимо последних домов и направился дальше по дороге, которая пролегла среди совсем уже темного леса.

Вдруг жуткий вой голодных волков раздался вдали. Он вздрогнул и прислушался. Но в этот же момент услышал и другой звук: приближался санный экипаж с колокольчиками. Он обернулся и увидел упряжку лошадей. Поравнявшись с Джеком, она остановилась, и грузный, тепло одетый человек с укутанным шарфом лицом обратился к нему:

— Куда идешь, мальчик?

— Я ищу работу, — ответил Джек.

— Я нуждаюсь в мальчике для поденной работы, — сказал человек. — Садись ко мне в сани. Мое имя — Кемпбелл.

Промерзший, уставший и голодный, Джек с радостью залез в сани. Он все еще ждал объяснений и с удивлением размышлял над выражением «поденная работа». Что оно означает? Ведь это слово по-английски чем-то напоминает слово «церковь». Возможно, этот человек желает, чтобы я выполнял какие-либо ре-

лигиозные обязанности? Но он был слишком уставшим, чтобы продолжать размышлять дальше.

Кемпбелл вскоре повернул на свою ферму.

— Вот мы и дома, — произнес он громким голосом. — Заходи.

Джек следом за ним вошел в дом.

— Я нашел этого молодца по дороге, — сказал Кемпбелл домашним. — Он сможет помогать нам в поденной работе. И затем представил его своим четырём дочерям и остальным младшим детям.

Джек осмотрел комнату. Здесь, как и во всем доме, был электрический свет. Он никогда еще не видел дома, освещаемого электричеством.

После ужина он последовал за Кемпбеллом в сарай, где ему предстояло выполнять свою поденную работу на этой ферме, — и ничего религиозного в этой работе не было, просто он не понял точного значения выражения. Но здесь у него будет теплое жилье и хорошая пища. Он решил остаться работать у Кемпбелла и заработать немного денег.

Родителям он послал письмо, в котором рассказал о своем местопребывании и попросил, чтобы мать не беспокоилась о нем. Но уже после нескольких недель работы на ферме ему так захотелось вернуться домой! Ведь приближалось Рождество! И за несколько дней до праздника Джек оставил семью Кемпбеллов. С семью заработанными долларами в кармане и с более твердым знанием английского языка он отправился домой.

Он возвращался тем же путем, которым пришел, и задержался по пути лишь в магазине, чтобы купить подарок матери: ткань на платье. Чем ближе был дом, тем быстрее он шел. Ему казалось, что он отсутствовал слишком долго.

Солнце уже садилось, когда он вошел в ворота и открыл дверь родного дома.

— Джек вернулся домой! — сестра Мария увидела его на пороге дома и радостно бросилась навстречу.

Все повернулись и с удивлением посмотрели на Джека. Мать поспешила обнять его.

— Здесь подарок для тебя, мама, — Джек вручил ей сверток.

— Благодарю тебя, сын, благодарю тебя! — ее голос звучал взволнованно. Когда она развернула сверток, все заговорили одновременно, радуясь и его возвращению, и подарку.

Скоро пришел Алекс и, нежно обращаясь к Джеку, с надеждой спросил у него:

— У нас теперь хорошая учительница, госпожа Барроугс. Не пойдешь ли ты теперь в школу?

И прежде чем после рождественских каникул начались занятия, Джек решил возвратиться в школу. С помощью учительницы он быстро наверстал пропущенное. Но и на этот раз учеба продолжалась недолго: к концу учебного года ему уже исполнилось 12 лет, и он решил, что пора помогать семье.

В то лето урожай жестоко пострадал от засухи. В ожидании дождя проходил день за днем, сады, огороды, поля — все засыхало под палящими лучами солнца. Лесные пожары все чаще вспыхивали вблизи маленького селения, где жили Захори. Раскаленное, по цвету подобное меди солнце с трудом пробивалось сквозь дым пожарищ, но едкий дым расстилался по полям, убивая последнюю надежду на урожай. Среди соседей только об этом и говорили — о постигшей засухе и неурожае.

В одно из воскресений в конце июля священник объявил, что он намерен в семь часов вечера совершить особую мессу и молитву о дожде.

— Месса обойдется церкви в 25 долларов, — объявил он присутствующим прихожанам. — Тогда, возможно, пойдет дождь.

В тот вечер Джек вместе с отцом отправился по пыльной дороге в церковь. Его мысли вертелись вокруг засухи, молитвы и Бога. Ответит ли Бог на молитву священника и пошлет ли дождь?

Из-за тяжелого от благовоний и сжигаемых свечей воздуха внутри церкви мальчик чуть было не лишился сознания. Наконец появился священник.

Торжественным голосом он произнес:

— Это особая месса. Мы будем молиться о дожде, и, возможно, дождь пойдет, а может быть, и нет. Все в руках Божьих. Мы не можем быть в этом уверены.

Джек был преисполнен ожиданием чуда от этого богослужения. Но его ум тревожили многие вопросы. И прежде всего такой: дождь был в руках Божьих, а деньги — в руках церкви. Как это совместить? И что должны делать люди, чтобы получить дождь? Он пытался разрешить эти вопросы, занимавшие его ум. Конечно, грешно думать об этом. И он попытался сосредоточиться на совершаемом обряде.

Наконец все вышли из церкви, и Джек вместе с отцом и соседями направился среди уже сгущающихся сумерек домой.

— Папа, — обратился к нему мальчик, когда они шли рядом, — святой отец Андронович, кажется, очень положительно и прямо сказал о цене мессы и весьма сомнительно и неопределенно — о дожде. Это мне кажется неправильным. Я думаю, если...

— Тише! — прошептал отец, закрывая своей рукой рот мальчику.

Но Джек не успокаивался.

— Но... но я не вижу причины, почему мы должны платить, если дождя не будет, — настаивал он.

— Сомневаться в намерениях священника — грех, — высказался сосед Захори. — Ты никогда не должен сомневаться, Джек Захори.

— Дорогой мой Иаков, — напомнил ему и отец, — ты никогда не должен забывать, что мы с матерью посвятили тебя на святое служение. Всегда помни, что священник для нас все равно что Бог.

Джек не осмеливался больше задавать те же вопросы, но они постоянно тревожили его, как неразрешимая загадка. Почему Бог допускал такие сомнительные сделки? Или, возможно, это священник был таким неуверенным? Но неужели священник не знал вопросов, находящихся в компетенции Бога?

Хотя все прихожане умоляли небо о ниспослании дождя, Джек Захори ожидал результата этого служения с особенным

интересом. Но когда дождь наконец пошел, он принес мало пользы: было уже слишком поздно, чтобы спасти урожай.

Хотя Джек и не высказал вслух своих сомнений, чувствовал он себя обманутым. Кто во всем этом был виновен? Он не был уверен в ответе. С течением времени, однако, эти сомнения изгладились из памяти.

ГЛАВА 2. ЗА РЕКОЙ

Летом Джеку пошел тринадцатый, а Алексу — шестнадцатый год. Отец позвал к себе обоих сыновей и сказал:

— Сыны мои, я даю вам 10 долларов. Настало время быть вам самостоятельными и принять на себя большие обязанности. Идите в Виннипег и ищите работу. Но когда возвратитесь домой, у вас должно быть не менее хотя бы этих 10 долларов.

Мать со слезами на глазах попрощалась с мальчиками, они вышли из ворот и направились к железнодорожной станции, которая находилась в девяти километрах от их селения. Джек издалека помахал матери, все еще стоявшей на крыльце дома. Затем, не оглядываясь больше назад, они быстро дошли до станции, где купили билеты до Виннипега. Алекс посчитал оставшиеся деньги. Оставалось менее 8 долларов.

Приехав в город, мальчики нашли биржу труда и попросили дать им какую-нибудь работу.

— Вы слишком молоды. Мы не имеем права брать на работу таких юношей, — ответил им служащий биржи. И во всех своих дальнейших поисках работы они день за днем слышали только эти слова. Ночью они спали в товарных вагонах, а днем покупали себе немного еды — исходя из своих скудных возможностей.

И наступил день, когда Алекс достал последние монеты.

— Я не знаю, что мы будем делать дальше, — сказал он, выворачивая свои карманы. — Как долго мы сможем прожить на оставшиеся 30 центов?

В тот вечер они отправились спать в товарный вагон голодными. Ночью Джек проснулся от мерного стука вагонных колес. Он разбудил Алекса.

— Вставай, мы движемся!

Джек всматривался сквозь щели вагона, пытаясь определить, где же они находятся, но из-за кромешной тьмы не мог ничего различить. Наконец состав остановился, и мальчики выскочили из вагона.

Начинало рассветать. Оглядываясь вокруг, Джек понял, что они находятся в сельской местности, но в такой ранний час нигде не было видно никаких признаков жизни.

— Давай пойдем, — предложил Джек, дрожа от предутренней сырости. И мальчики направились по дороге. Спустя некоторое время они подошли к маленькой станции. Прочитали ее название: «Святой Норберт».

— Это французская колония вблизи Виннипега, — сказал Алекс. — Что мы будем делать дальше? Никто не нанимает нас на работу, а я умираю от голода.

Джек увидел слезы, катившиеся по лицу брата.

— Может, нам лучше возвратиться домой? — спросил Алекс.

Но Джек покачал головой:

— Дом далеко. Нам придется идти очень долго, а мы слишком голодны. Кроме того, у нас нет даже пяти долларов, чтобы вернуть отцу. Нет, попробуем еще поискать работу, — затем, помолчав, он добавил: — Может быть, нам помолиться святому Николаю. Он, возможно, поможет нам.

Они совместно произнесли молитву, как их научила мама, когда они были маленькими: «Милостивый отец, святой Николай. Мы взываем к твоему сердцу, полному милости. Сжался над нами! О, святой отец, помоги нам в это трудное для нас время!».

Они прошли по дороге уже около двух километров, когда встретили людей, работавших на железнодорожных путях.

— Посмотри, — сказал Джек, — там лежит куча лопат. Возможно, нам разрешат трудиться вместе с этими людьми. А после, если мы будем работать хорошо, они, несомненно, что-нибудь заплатят нам.

Джек и Алекс, не замеченные никем, взяли две лопаты и начали работать. Спустя некоторое время подошел надсмотрщик.

— Какой твой номер? — спросил он Джека.

— У меня нет номера, — робко ответил мальчик.

— Тогда твой номер будет 390, — сказал он, записав что-то в своем блокноте.

— А твой будет — 391, — обратился он к Алексу.

Когда надсмотрщик удалился, Алекс и Джек посмотрели друг на друга и радостно улыбнулись.

В полдень работники пошли обедать, а мальчики — в ближайший магазин: купить хотя бы черствого хлеба за 4 цента. Но Джек напрасно пытался отломить кусочек от купленного хлеба. Наконец он с трудом разбил его надвое о камень. Довольные уже и этим, они набрали в колонке воды и размочили его, чтобы можно было есть. Посматривая на небольшой кусок, оставшийся у них после скудной трапезы, Джек решил припрятать его для ужина. «Ведь у нас осталось всего лишь 26 центов от полученных от отца 10 долларов, а впереди долгий путь до дома», — размышлял он, пряча оставшийся кусок хлеба в карман.

Все время после обеда мальчики работали вместе с остальными на железной дороге. В конце дня они нашли какой-то товарный вагон и, уставшие после трудного рабочего дня, сразу же заснули. А затем очень скоро, как им показалось, наступило утро, и они снова отправились на работу.

«Но почему люди, проходя мимо нас, пристально всматриваются и смеются? — удивлялся Джек. — И почему все с участием спрашивают: «Где вы спали прошедшей ночью?»»

Озадаченный Джек посмотрел на Алекса, а Алекс — на Джека. И оба весело рассмеялись.

— Если бы ты мог видеть себя! — воскликнул Алекс, корчась от смеха.

— И ты тоже, — ответил Джек насмешливо. — Твое лицо черно, как смола, за исключением глаз и зубов. Ты действительно выглядишь забавно!

— Да ведь этой ночью мы спали в вагоне с угольной пылью! Давай почистимся немного, — предложил Алекс.

Они свернули с дороги в сторону и, расположившись на траве, вытряхнули одежду и почистились, как только могли, а затем вернулись к работе. Но уже никто, казалось, не интересовался ими, хотя следы угольной пыли все равно остались на их одежде и лицах.

— Итак, мы, кажется, получили постоянную работу, — сказал Алекс Джеку на третий день.

Но после обеда к мальчикам подошел старший надзиратель.

— Что вы здесь делаете? — спросил он Джека.

— Я тружусь так же усердно, как любой из этих взрослых, — быстро ответил Джек. Но надсмотрщик закричал:

— Ты мошенник! Ты хочешь, чтобы я остался без работы? Ведь это нарушение закона — нанимать малолетних. Он что-то написал на листке бумаги.

— Да не трогайте вы этого парня, — вступился какой-то человек. — Он работает более усердно, чем все остальные. Он никогда не увиливает.

— К сожалению, — сказал старший надзиратель, — это против закона.

— Если его выгоняют, я тоже уйду, — сказал Алекс, положив свою лопату.

Старший надзиратель снова что-то написал и вручил бумагу мальчикам:

— К сожалению, я должен уволить вас. Отнесите эти данные о вас учетчику.

Учетчик выписал справки о количестве часов, отработанных ими за три дня, с оплатой по 17 центов за час.

— Отнесите эти справки кассиру, — сказал учетчик мальчикам.

Кассир посмотрел на выписанные справки:

— Хорошо! Вы получите свои деньги через три дня. Каждому причитается по 5 долларов 90 центов. А теперь идите.

— О господин, — взмолился Джек, — у нас осталось всего 18 центов, и мы голодны. Мы не можем ожидать три дня!

Кассир согласился и выдал ребятам заработанное.

Джек посмотрел на деньги в своей руке:

— Может быть, лучше всего отправиться домой? Мы вместе получили больше 10 долларов.

Алекс возразил:

— Если мы купим билеты до дома, у нас останется менее 10 долларов. Идем снова в город, на биржу труда.

Таким образом, мальчики снова отправились в город. На бирже труда Джек заметил подходящее объявление о работе.

— Алекс, почитай. Им нужны работники, чтобы очистить Кирклендский парк. Желающие должны явиться лично и захватить с собой топоры.

Они выбежали на улицу, нашли хозяйственный магазин и купили два топора. Затем направились в район Кирклендского парка.

— Вы слишком молоды. Мы не можем нанимать мальчиков. Вдруг вы пораните себя этими новыми топорами? — сказал им надзиратель.

Джеку стало не по себе. Он считал себя хорошим лесорубом, одним из лучших, без сомнения. Но здесь было бесполезно это доказывать. Он закинул топор за плечо и поплелся за Алексом по дороге.

— Наверное, нам лучше возвратиться домой, Алекс, — медленно проговорил Джек. — Отец же не повесит нас, если мы не принесем ему 10 долларов.

— Хорошо. Если мы не найдем работу завтра, — ответил Алекс.

— Справа за нами идет человек. Нам лучше пропустить его, — прошептал Джек.

Но человек, поравнявшись с мальчиками, улыбнулся и сказал:

— Вижу, что вы ищете работу, не так ли, мальчики?

Они внимательно посмотрели на него, на его темно-коричневого цвета лицо и черные волосы. Он подошел к ним так бесшумно, что почти испугал их.

— Индеец, — прошептал Джек Алексу.

— Ш-ш-ш! — предупредил Алекс. Затем он повернулся к человеку: — Да, мы ищем работу.

Оглавление

О. БОНЕР

«**ЧЕРЕЗ БУРИ ЖИЗНИ**»

ГЛАВА 1. ПЕРВЫЙ СЛАБЫЙ КРИК.....	7
ГЛАВА 2. ЗА РЕКОЙ.....	24
ГЛАВА 3. АУКЦИОН.....	34
ГЛАВА 4. ДОЖДЬ БЕЗ ОБЛАКОВ.....	38
ГЛАВА 5. СВЕТ СИЯЕТ ВСЕ ЯРЧЕ.....	51
ГЛАВА 6. БЕГСТВО ОТ БОГА.....	60
ГЛАВА 7. ВСТРЕЧАЙТЕ МЕНЯ НА НОВОЙ ЗЕМЛЕ.....	70
ГЛАВА 8. ОТВЕРЖЕННЫЙ.....	77
ГЛАВА 9. ДОБРЫЙ ВОИН ИИСУСА.....	82
ГЛАВА 10. ГОСТЕПРИИМНЫЙ ДОМ.....	97
ГЛАВА 11. ВСЮДУ ОТКРЫВАЮТСЯ ДВЕРИ.....	108
ГЛАВА 12. БЛАГОТВОРНОЕ ВЛИЯНИЕ.....	119
ГЛАВА 13. ИСТОЧНИКИ В ПУСТЫНЕ.....	124
ГЛАВА 14. ИСПОВЕДЬ СВЯЩЕННИКА.....	132
ГЛАВА 15. УСТАЛЫЙ И ГОЛОДНЫЙ.....	140
ГЛАВА 16. ОПАСНОСТИ В ПУСТЫНЕ.....	150
ГЛАВА 17. ОПАСНОСТИ СРЕДИ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ.....	161
ГЛАВА 18. НЕ В СОСТОЯНИИ СОПРОТИВЛЯТЬСЯ.....	177
ГЛАВА 19. РУКА АНГЕЛА.....	186
ГЛАВА 20. «ВИВА» — ЭТО ЗНАЧИТ ЖИЗНЬ.....	193

Я. ШАЛЕНКО

«КРОВЬ, ПРОЛИТАЯ НЕ НАПРАСНО»

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	205
КРАТКИЕ ДАННЫЕ О ПОГИБШИХ МИССИОНЕРАХ.....	207
ПЛАНЫ И НАМЕРЕНИЯ.....	216
В ДОМИКЕ НА ДЕРЕВЬЯХ.....	220
ВСТРЕЧА (ЗАПИСИ ПЕТРА ФЛЕМИНГА).....	221
ПЕРВАЯ РАЗВЕДКА.....	223
СВИДЕТЕЛЬСТВО МАРГАРИТЫ СЕЙНТ, ЖЕНЫ ПОГИБШЕГО МИССИОНЕРА	238
СОБЫТИЯ НА РЕКЕ КУРАРАЙ.....	241
ПЕЧАЛЬНЫЕ ВЕСТИ С РЕКИ КУРАРАЙ.....	248
ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ.....	257
ОПАСНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ.....	259
ПОДРОБНОСТИ ТРАГЕДИИ НА РЕКЕ КУРАРАЙ.....	274
ЭПИЛОГ.....	281